

84(2=411.2)6

Г74

БИБЛИОТЕКА

ИЗВЕСТИЯ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ближние родники

автор серии Вячеслав Ар-Серги

Княз Гочаг

**Были в саду
абрикосы...**

УДМУРТИЯ
г. Ижевск
2011 г.

Библиотеке
нового Поморья
же зображен
на месте
зимы
река
14.06.2011.

МАУК "ЦБС" г.Пытые-Ях

0000138686

84(2-411.2)6-44

ГЭУ

Библиотека
«Известия Удмуртской Республики»

автор серии Вячеслав Ар-Серги,
Народный писатель
Удмуртской Республики

Княз Гочаг

Были в саду
абрикосы...

МАУК «ЦБС»
Краеведческий отдел
г. Пыть-Ях

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 54

Княз Гочаг

К 54 Были в саду абрикосы : [стихи, рассказы] / Княз Гочаг. –
Ижевск : Известия Удмуртской Республики, 2011. – 40 с. -
(Библиотека «Известия Удмуртской Республики»).
Ближние родники / авт. серии Вячеслав Ар-Серги).

ISBN 978-5-4355-0019-6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4355-0019-6

© Княз Гочаг, 2011
© Вячеслав Ар-Серги, 2011
© Издательство «Известия
Удмуртской Республики», 2011

«Мне подавай сибирские снега...»

Имя западносибирского поэта, литературоведа и журналиста Княза Гочага в последние годы уверенно зазвучало в современном российском литературном мире. В сфере его профессионального внимания не в малой степени определяется и стойкий интерес к творчеству нынешних знаковых финно-угорских авторов нашей страны, в их числе и удмуртских. Только лишь за последний год он уже выступил с размышлениями о новых книгах наших удмуртских авторов в известнейших московских изданиях, таких как, газеты «Литературная Россия», «Культура», «Литературная газета», «Независимая газета» и журнал «Жизнь национальностей». Его статьи о современном состоянии художественного слова в Удмуртии отличаются добротным знанием предмета раскрываемой им темы, неподдельным тоном дружеского

соучаствия в решениях вопросов дальнейшего развития нашей литературы. В свою очередь, он и сам стал одним из авторов нашего литературного журнала «Луч», выступив на его страницах с подборкой своих стихов.

Но, конечно же, в силу его давнишнего проживания в Западной Сибири и по адресу своей душевной привязанности к северу этого региона, он щедро знакомит российских читателей с творчеством и местных финно-угорских авторов, среди которых и хант Еремей Айпин, один из ведущих современных прозаиков Обь-Иртышья, и манси Андрей Тарханов, чье поэтическое творчество давно перешагнуло за российские пределы, и других. Давние дружеские отношения связывают Князя Гочага и с признанным классиком многонациональной российской литературы, мансиjsким поэтом Юваном Шесталовым, и ныне уверенно удерживающим свои позиции оригинальнейшего историко-этнологического мыслителя и самобытнейшего поэта.

Княз Гочаг – крепкого сложения (сказывается его неизбыточное увлечение футболом), энергичный человек среднего роста. Как и подобает истинному кавказцу, его усы – непременны. В добрые минуты он словоохотлив и улыбчив, в минуты же размышлений над своими будущими публикациями

— молчалив и даже как-то грустно-рассеян. В такие времена он будто бы замыкается в себе, натянув на себя облако, но когда это облако уже не нужно, он — само солнце. Его юмор — остроумен, его познания в литературе — воистину энциклопедичны. Его уверенное ориентирование в современной российской литературе просто покоряет обилием цитируемого им материала, его осведомленность в персоналиях и творческих продукциях ныне работающих авторов из столиц и регионов нашей страны, как русских, так и национальных, вызывает искреннее уважение. Фактуру его литературных рассуждений можно, уже и не сверяясь с их первоисточниками, смело вносить и в печатные публикации. К литературным фактам он относится с величайшим уважением и трепетом. Обладая не-дюжинной памятью, всем фактам он тут же предоставляет определенное место в своей «карточке». И от этого редкий литературный вопрос застанет его врасплох. Вплоть до того, что Княз Гочаг, вспоминается, практически сходу, при первой нашей встрече, знакомстве в начале века нынешнего в Ханты-Мансийске на Конгрессе финно-угорских писателей мира весьма толково повел со мной беседу о творчестве основоположника удмуртской литературы Кузебае Герде, не перепутав дат основного периода его творчества. С таким явлением до

этого за пределами Удмуртии мне еще не приходилось сталкиваться...

Княз Гочаг – уроженец Азербайджана, с молодых лет связавший свою судьбу с Западной Сибирью, с Ханты-Мансийским Автономным округом – Югра. Как он писал:

...На родине больших снегов и стужи
Мне подавай родимое село!
Там в ветках светит ярко и знакомо
Любой гранат, потресканный слегка.
Ну а когда гощу... я дома,
Мне подавай сибирские снега!

В семье Гурбановых, что из селения Шахсеван, было 12 детей, Княз Гочаг – седьмой. Отслужив в армии, молодой человек крепко задумался, как устроить свою дальнейшую жизнь, быть опорой своей семьи. С этой вот и мыслью в 1977 году он устраивается простым рабочим в стройбригаду «Мамонтовского управления буровых работ», которая располагалась в Нефтеюганском районе ханты-мансиjsкого Приобья. Не обошлось, конечно же, без влечения романтики Севера. Да и благо, не далеко, до этого здесь уже работал его старший брат, пригласивший Князя опробовать себя на прочность в Западной Сибири. Прорабо-

тав на стройке, с течением времени Княз переходит в геодезическую экспедицию, а далее – инженер в Управлении технологического транспорта. Без отрыва, как писали тогда, от производства, в 1986 году он заканчивает курс филфака Тюменского госуниверситета. К этому времени, он уже – известный местный автор, с 1979 года активно печатающийся в областных изданиях. В 1990 году он становится штатным журналистом. Но Княз Гочаг известен в России отнюдь не как журналист, а – вдумчивый литературовед, пронзительный в своей искренности поэт.

Он – член Союзов писателей Азербайджана и Российской Федерации. И, естественно, литература остается для него главным делом, что в последние годы для российского читателя становится особенно заметнее. Княз Гочаг стал своим автором ряда федеральных журналов, таких как «Мир Севера», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», солиднейшие московские поэтические альманахи не обходятся без его участия.

Княз Гочаг – русскоязычный российский автор, не теряющий душевнейших нитей притяжения и со своей родной, азербайджанской литературой. В Баку он известен в первую очередь, как поэт оригинальной, переплетенной с восточными традициями, стихотворной мысли.

Одной из примечательных черт в облике Князя Гочага является то, не премину отметить эту деталь, что всегда в его руке можно увидеть солидную книгу или свежую московскую газету. В свободные минуты, скажем, ожидания кого-то и где-то, а то и просто транспорта, он тут же углубляется в чтение, кажется, и напрочь забывая обо всем. Но в нужный момент книга захлопнута, и он – уже в деле. Таких людей творческой самодисциплины найти сейчас непросто.

- Если человек умеет отдавать свое тепло и сам его принимать, то ему и на Севере не холодно, - улыбается Княз Гочаг, - я сейчас и не представляю себя без милого моему сердцу Приобья, хотя в мыслях за день успеваю сотни раз «слетать» в свой родной Шахсеван. И потому, наверное, именно связующее назначение поэзии мне близко и понятно не только в теории...

Княз Гочаг – автор весьма плодотворный, но он и не гонит себя строчкогонством, а таков ритм его творческой работы. И это при том, что каждую свою строку он подолгу вынашивает в себе и лишь затем доверяется магии белого листа бумаги. Так родилось и его известнейшее стихотворение «К матери», в котором, насколько я знаю, строки строф подвергались жесточайшим лично-авторским редактированиям в течение нескольких

лет. Мысль об этом произведении не покидала его никогда, хотя он и писал уже в то время другие статьи, другие стихи. Но он все равно возвращался к этому своему стиху. Без этого настояще стихотворение не обходится, оно, как росток, нуждается в живительной опеке нескончаемого беспокойства творческой натуры. И Княз Гочаг об этом знает очень хорошо, а иначе зачем бы являлась грусть в его взгляде... Человека, знающего высокую цену истинной дружбы. Поэта, умеющего смотреть на себя и с точки зрения испытанного критика.

Вячеслав Ар-Серги,
Народный писатель Удмуртии

Андрею Тарханову

Когда дает безденежье уроки,
Кто б улыбаться безмятежно смог?
И хочется увидеть на дороге
Пусть даже и не пухлый кошелек,
Пусть даже с одинокой сторублевкой -
Кто воровством находку наречет?
Но тут же мне становится неловко
От этой мысли - ведь за чей-то счет.
За счет потери чьей-то
настроенье
На миг улучшить разве хорошо?..
Живя, друзья, с такою точкой зренья,
Я и рубля чужого не нашел.

Бакинским поэтам

Солнцу долины стеречь, поля -
В зависть всем сторожам!
Это твоя и моя земля -
Это Азербайджан.
Эти края сотворил Аллах,
Чтобы сияли впредь,
Чтобы прославить себя в веках
И бедняков согреть.
В землю оглоблю воткни, и вот

Выйдет оглобля в цвет.
Ходишь в костюмчике круглый год,
Трат на дубленки нет.
Вроде бы многие при делах,
Вроде бы - тиши да гладь...
Так почему же, ответь Аллах,
Нищих не сосчитать?!

Бедолага

Мечтал увидеть целый мир,
Всю жизнь об этом грезил...
Растил и хлопок, и инжир,
В колхозе сто потов пролил
И - никуда не съездил!

Он дальше улицы родной
Не сделал даже шага.
И в книгах встретиться с мечтой
Не смог, не знаяший ни одной
Ни буквки, ни запятой -
Отец мой, бедолага.

В день рождения, а точнее,
в ночь рождения
Захотел я специально не спать,

В разлуке

А связь-то телефонная слепа.
Глаза в глаза глядеть бы нам вдвоем!
И ты уже на теплые слова
Скупее и скупее с каждым днем.
Назойливым кажусь я, может быть,
Внимание мое тебя гнетет.
И надо мне твой номер позабыть
На день, на два, на месяц и на год.
Глаза в глаза глядеть бы нам вдвоем,
Но ты на юге, я - на северах...
Так, может быть, в молчании моем
Услышишь сердцем больше, чем в словах?

В седле стихов

О, сильные мира сего,
Вы мне не друзья, не враги!

Лишить меня в жизни всего
 Вы можете,
 Но из руки
 Вам вырвать перо не дано
 И душу простора лишить,
 Ведь будет она все равно
 От вас независимо жить.
 Свободной ей быть повезло,
 Другой уже станет едва ль...
 Взлетаю в стихи, как в седло,
 И конь мой уносится вдаль.
 Поэзии конь, ничего
 Дороже нет власти твоей!
 А сильные мира сего
 Беспомощны в силе своей.
 Дорога и ночью светла,
 Скачи себе хоть сквозь века!..
 Но выбей меня из седла,
 И стану слабей стебелька.

Весеннее

Дед Мороз-то слезы
 Льет на самом деле:
 Шубу Дед Мороза
 Яркие капели
 В клочья изорвали.
 Дед в раздольях синих
 Всех прорех-проталик

Сосчитать не в силах -
Что тут остается?..
Извиняйте, сказки,
Что принес я солнце
С гор моих кавказских,
До поры припрятал,
Залежаться не дал,
И для вас, ребята,
Выкатил на небо,
Нас весной любовью,
Свет Азербайджана
Породнил я с Обью.

Вспоминая притчу о блудном сыне

Несутся к берегу громады
Веселых и могучих волн.
Им океан восслед:
- Не надо! -
Тревожится о детях он.
А молодость не знает страха,
И, о родителях забыв,
О камни волны бьют с размаха,
Вставая гневно на дыбы.
Но бой недолог...
Белой пеной
Шурша, они стекают вниз
И возвращаются смиренно
К тому, кто подарил им жизнь.

Им океан не шлет проклятья,
Разбившим головы у скал...
Он принимает их в объятья,
Как добрый, мудрый аксакал.

Жадность

Мой сосед, не обижайся,
Говорю я откровенно:
Поклоняешься ты злату,
Забывая стыд и честь...
Если б на куриных яйцах
Шерсть была, то несомненно
Ты, в желаньи стать богатым,
Постригал и эту шерсть!

Жестокосердие

Когда печаль мой посетила дом,
Подруга та, в которую влюблена,
Украдкой в ванной увлажнила щеки.
Чтобы доверчиво поверил я:
Меня жалеет милая моя,
И я в своей беде – не одинокий.
Жестокосердная! Меня не обмануть!
И если вновь увижу как-нибудь,
Что сделались мокры твои глаза,
То я готов поклясться на Коране,

Блестит в них не сочувствия слеза,
А только влага, влага из-под крана.

К матери

Права ты, мама, говоря,
Что я с тобой жить должен рядом.
А я уехал за моря -
Снега меж нами, как преграда.
Когда покинул отчий дом,
Познал я многое в разлуке:
Тоску по матери с отцом
И совести бессонной муки.
Когда отец мой умирал,
Не смог я с ним проститься даже.
Он к сердцу фото прижимал -
Об этом, мама, ты мне скажешь.
Когда сама хворала ты,
Когда беда стучалась к близким,
Я был в объятьях мерзлоты
И лишь по почте слал записки.
Ссылаясь, что дела, дела,
Что вновь зовут меня дороги...
А ты всегда меня ждала,
Ждала у отчего порога.
И в утешенье лишь одно
Я оправдание придумал:
Я не с тобою рядом, но
Я о тебе так часто думал.

И знал: на краешке земли
 Жизнь эта все же плюс имеет -
 Сын, что от матери вдали,
 Он для нее всегда милее.

Правильное имя

В поселке Солнечном заря
 Еще алей от стужи...
 Он назван Солнечным не зря -
 Названье греет души
 Тем, кто живет здесь, и таким,
 Как я - гостям заезжим.
 Такое имя - средь тайги -
 В себе тепло содержит.
 Хвала придумавшим его!
 Метелями окутан
 Осколок солнца самого -
 Поселок под Сургутом.

МАУК «ЦБС»

Краеведческий отдел

Родина г. Пыть-Ях

Виктору Астафьеву

Когда чужбина для тебя добра, как мать,
 А отчий край, где ты увидел свет,
 Тебя не хочет знать,
 Задумаясь вдруг на склоне лет:
 Страну какую Родиной назвать?

*Писателю и драматургу
Рустаму Ибрагимбекову*

В Москве ты - москвич,
А в Баку ты - бакинец...
На долгом твоем человечьем веку
Пусть добрая слава тебя не покинет,
Покуда ты сын и Москвы, и Баку.
Ты словом своим раздвигаешь границы,
Связав воедино родины две...
С тобой москвичи -
Все немного бакинцы.
С тобою бакинцы
Чуть ближе к Москве.
А значит, сплоченней народы и страны...
Политики разве сумели бы так?
За дружбу России с Азербайджаном
Тебе говорю я:
- Спасибо, земляк!

Две стихии

Волна стремится к берегу всегда,
Но лишь она докатится до брега,
Сломается, ударившись с разбега,
Расплещется - ведь ей земля чужда.

Вот так и я - мог о тебе мечтать,
Спешить к тебе,
чтоб, встретившись с тобою,
Понять, что мне не быть твоей судьбою,
Да и тебе - судьбой моей не стать!

Другу-поэту

Что ты ел и что ты пил,
Из какой посуды -
Все детали, как ты жил,
Белый свет забудет.
Если ж вспомнит - по стихам,
Что, не ради славы,
Извергал ты, как вулкан,
Искрометной лавой.

* * *

Милая, нежная, светлая, чистая,
Пусть в этот день, когда ты родилась,
Счастье тебе улыбнется лучистое,
Бед и печалей минует напасть.
Пусть никогда, никогда не кончается
Вера твоя в наступленье весны,
Пусть все мечты и надежды сбываются,
Явью становятся сказки и сны...

* * *

Младенец, лишь увидев свет,
Зальется вдруг слезами,
Как будто разглядел он смерть,
Ту, что следит за нами.

О, сколько же еще смертей
За жизнь он повидает,
До той единственной, своей,
Что где-то поджидает.

Надежда

Хочется сердцу для сердца звучать,
Мне не по нраву всеядность.
В малом поселке любовь повстречать -
Невелика вероятность.
Город вечерний, неоновый свет -
Больше надежда на встречу.
Только и в толпах тебя еще нет,
Где ты - вблизи иль далече?
Я без тебя и с судьбой не в ладу,
Быт холостяцкий не греет.
Разницы нет, где тебя я найду, -
Лишь бы нашлась поскорее...

Наука доброты

Горная безмолвна панорама,
К ней бегут селения сады.
Не забуду детство свое, мама,
И твою науку доброты.

Мне внушала: «Мир устроен сложно,
Горы в нем друг с другом говорят -
Камень бросишь здесь неосторожно,
Где-то отзовется камнепад.

Даже к скалам добрыми руками
Прикасайся, чтоб не оскорбить.
Если не бесчувственны и камни,
Что уж там о людях говорить?!

Отвечай за каждую минуту,
Потому что если второпях
Зло, сынок, ты сделаешь кому-то,
Отзовется боль в его друзьях.

В матери и брате отзовется,
И на свете зло умножишь ты,
А оно бедой к тебе вернется...
Полюби науку доброты!

Светлые поступки за собою
Оставляй на жизненной тропе,
Ведь добро, творимое тобою,
Эхом возвращается к тебе».

О дружбе

В огне оказавшись вне воли своей,
Сырые поленья сгорели...
Мы в жизни себе выбирая друзей,
Ах, если бы только умели
Хранить независимость нашу от них,
Чтоб дружба не стала неволей
И участь сгоревших поленьев сырых
НЕ сделалась нашей долей.

* * *

Одиночество - скверная штука,
Чувства все забирает в полон.
Молишь в тесной квартире:
«А ну-ка,
Встрепенись, оживи, телефон!
Разорви тишину эту смело,
Ты ж привычен к друзей голосам!...»
Одиночество - скверное дело
И особенно - по вечерам.

Письмо матери

Спрашиваешь,
как мне здесь живется,

Не замерз ли, и не исхудал?
 Край-то этот Севером зовется,
 Что ж тут удивляться холодам!
 Если мама сына ожидает,
 Если память южная жарка,
 Как шиповник дикий, обжигает
 И бодрит колючая пурга.
 Люди здесь заметны и несходи,
 Все мы здесь давно сибиряки.
 Об одном молю тебя я, Боже,
 От холодных душ убереги!
 Этот край
 людей не любит праздных,
 Сам работой греюсь и горю.
 Не волнуйся, мама, понапрасну,
 Не замерзну в северном краю.

* * *

Предсказательнице Мархе
 Высока твоих гаданий марка,
 Ведаешь про счастье и беду.
 И не осторожничай ты, Марха,
 Все как есть скажи начистоту.
 Это пусть на войнах пули - дуры,
 В мирной жизни видишь ты пути.
 Даже поэтической натуры,
 Марха, настроенье не щади!
 Знаньем о себе мы не богаты.

Пусть гадалки тоже не святы,
Пусть беду пророчат твои карты,
Знаешь ты и выход из беды!
И тебя, сестра моя, за это
Добрый словом чествую давно.
Ведь в туннеле темном лучик света
Разглядеть не каждому дано.

* * *

Разве держим слезы, разве прячем,
Близких хороня в своей судьбе?
Что греха таить, и тут мы плачем
По себе, несчастным,
По себе!
Я хочу, чтоб женщины, мужчины -
Все, кто мил в родимой стороне -
Плакали бы в час моей кончины
Обо мне
И только обо мне!

Сестре

Моя сестра, я вновь с печалью дружен,
Опять в Сибири снегу намело.
На родине больших снегов и стужи
Мне подавай родимое село!

Там в ветках светит ярко и знакомо
Любой гранат, потресканный слегка.
Ну а когда гощу у вас я дома,
Мне подавай сибирские снега!

Здесь сердце встречу с югом ожидает,
Там люди выживают, ожидают
Благодаря взаимной теплоте.

Пусть не привык бесцельно годы тратить,
Но выбор сделать вроде бы пора...
Ах, сердце, сердце, как с тобой поладить,
Мне не ответит даже и сестра!

Солнце с Кавказа

Коль хочешь быть певцом –
Без сердца не пиши!
Пусть я Кавказа сын
И здесь как на квартире,
От южного тепла
Придет весна в Сибири
Чрез малое тепло
Моей простой души.
Холодные слова!
С такими нелегко нам
В краю и без того
Достаточно студеном.

* * *

О, будь сегодня жив
Мой дорогой отец!
Чабан седой в Сибирь
Приехал бы в июле.
На здешний сенокос гляди,
Былой косец,
На травостой по грудь,
Что долы распахнули.
Вернулся бы домой
С желанием пригнать
Со склонов южных гор
Сюда свои отары,
В далекую Сибирь,
Где лето — благодать
И травостой по грудь
На целые гектары!

* * *

Хочу, пусть будет так,
Чтоб матушка моя,
Чтоб жители мои
Далекого селенья
Желали солнца мне
За южные края.
Чтоб чувствовал тепла

В Сибири дуновенье.
И в очередь свою
Желаю также я,
Как матушке моей
В тени родного сада,
Чтоб Север хоть чуть-чуть
Узнали все друзья,
Чтоб им в палиящий зной
Повеяла прохлада.

* * *

Я снова посетил
Родимое село.
Навстречу – земляки –
И старики, и дети –
В ответ на мой «Салам»
Приветствуют тепло,
Но что ж не узнают,
Хотя и солнце светит?
Увы, не узнают!
Прохожая нана
Печаль моей души,
Как мама, понимает
И за плечо берет:
«Сынок, твоя вина.
Почаще приезжай –
И всяк тебя узнает».

Таежные собаки

В тайге-то суетиться на черта?
И отмечаю снова и снова,
Таежные собаки - не чета
Чабанским - из селения родного.

Чабанские с щенков не новички
В охранном деле, в каждом видят вора.
Готовы разорвать тебя в клочки,
Особенно когда их, злобных, свора.

Таежные собою греют снег,
Нас не облают, знают, людям трудно.
Им интересен каждый человек,
Давно ли тайга была совсем безлюдна?

В поселке, полном елей вековых,
Зачем судьбу разменивать на драки?
Лежат у деревянных мостовых
Мохнатые, спокойные собаки.

Три подола

Сохраню перед миром, достоинство, честь,
Одолею беду и душевную слякоть,
Потому что в минуты отчаянья есть
Три подола, в которые можно поплакать.
Это мамин подол:

Сына ты пожалей,
Залечи мои раны любовью безмерной!
Это Джаны подол луноликой моей
И подол моей Музы - подруги неверной.
Только вспомню о них я

в сибирском снегу,
И больная душа снова станет здоровой...
Три подола, в которые ткнуться могу,
Не дадут мне отчаяться в жизни суровой.

* * *

Фикрету Садыгу

По молодости - слов и чувств пожар,
Вино стихов без меры можно пить
И трудно многоречие избыть...
Миниатюра - стариковский жанр,
Когда о главном надо говорить,
О том, что прежде высказать не смог,
Ведь жизнь взахлеб - вот мудрость молодых.

И нет тревожней мудрости седых:
Хватило б сроков хоть на сотню строк,
Желательно при этом - золотых.

Хлеб России

Азербайджан - ты с детства яркий свет!
Да норов у судьбы и голос - веский.

И не Бакинский университет,
А вышло так, закончил я - Тюменский.
Немало мне досталось на веку.
И добываю, беды пересиля,
Насущный хлеб не в солнечном Баку -
Мне стала хлебным деревом Россия.
Ни от кого на Север не бежал,
Судьба к нему сама собой припада...
Не обижайся, мой Азербайджан,
Но Мать-Россия Родиной мне стала!
И мама седовласая моя
В родном селенье -
Что ничуть не странно! -
За хлеб да соль, вскормившие меня,
За мой удел
России благодарна.

Переводы Александра Кердана,
Владимира Топорова,
Сергея Сметанина

Были в саду абрикосы...

притча

Красивые, с бархатистой кожицей, сочные плоды этого дерева напротив нашего дома были величиной с куриное яйцо. Наши односельчане не переставали удивляться:

- Чудо природы, подарок судьбы! Ну и везет же тебе, Гочаг! Мир твоему дому, счастья, благополучия твоей семьи!

Летом мы садились прямо под абрикосину, расстилали покрывала и тут же пили густой ароматный чай. Чай цвета петушиного гребешка. Порой от малейшего дуновения ветра прямо на наш «стол» падал спелый плод.

И мы, восемь братьев, наперегонки кидались к нему. Кто всех ловчее, тот и съест.

Часто к нам приходили соседи. Приходили с большими пустыми вёдрами.

- Слушай, Гочаг, - обращались они к моему отцу, - Разреши набрать фруктов. Уж больно хороши! Сын студент приехал домой, хочет в город хозяйке квартиры гостинец отвезти. Так что - можно?

- Конечно, можно!

Пришедшим отец никогда не отказывал. Еще, бывало, и меня, как одного из шустрых, пошлет:

- Полезай! Потряси ветки.

Я изо всех сил тряс, и фрукты, как град, сыпались на землю. Так из года в год всем селом мы весело собирали урожай с щедрого дерева. И мы, дети, воспринимали это как должное: тем, чем богат человек, он всегда должен делиться с другими.

Наше дерево было не как у всех. На нем были такие заманчивые плоды - крупные и сочные.

- А ты к ним, что с вёдрами у тебя толпятся часто, за чем-нибудь обращаешься? - однажды, чуть прищурившись, спросил вдруг моего отца старики-сосед. - Часто?

Я не понял тогда его вопроса. Очень многое я тогда еще не понимал. Но время, годы, обстоятельства заставили задуматься: некий, не очень уж добрый смысл в том вопросе был все-таки заключен. Он был как предостережение.

Я хорошо помню, как люди со словами благодарности клялись в своей готовности выручить отца, когда будет нужно. Клялись. Но что были те слова? Далеко уносил их ветер...

В нашем селе стали появляться незнакомые люди. Они что-то строили, объясняли, что наше старое селение должно превратиться в посёлок городского типа. Наше чудо-дерево попадало «под план». Здесь должна была проходить теперь дорога.

Пришлось отцу собственноручно срубить абрикосовое дерево. Надо сказать, он почти не го-

ревал. Или просто виду не подавал?

- Велика беда - посадим другое! Вырастет лучше прежнего.

Но так уж случилось, что начались у нашей семьи вскорости неприятности. Они как говорились, шли одна за другой, будто толпились у нашего дома, будто караулили нас на каждом шагу. Сначала пропало в горах небольшое стадо овец. Старший брат недоглядел, заснул не вовремя. Заболела и пропала корова. Часто прихварывал самый маленький братишко Али. Вся извелась мать. Что-то не ладил со своим начальником по работе отец. Он был гордым человеком, но ему ничего не оставалось делать, как пойти на поклон к соседям. К тем самым. И что же? Ушел от них с тем, с чем пришел. С чем приходил он к ним, с тем и уходил.

Находили люди оправдания и мотивы своим отказам.

- Прости, но сын женится. Овц дать не могу. Свадьба! Сам понимаешь, - говорил один.

- Рады бы помочь, но наша корова что-то совсем молока перестала давать, - говорил другой.

А третий, чуть завидев на улице, просто отворачивался. Не дай Бог, чего попросит...

Отец мой был великим оптимистом и к времененным невзгодам относился с каким-то юмором. Как это помогало нам жить! Он посмеивался, вспоминая нелегкие годы, и повторял беззлобно:

- Были в саду абрикосы, было садовнику и «здравствуй», и «до свидания». Кончились - куда вежливость у людей делась?

- Один из многих горьких законов помогло понять мне абрикосовое дерево: не всякий человек способен отплатить добром за добро. Но что поделаешь! Не стал я от этого злее. Не стал вроде бы расчетливее.

- Спасибо за это дереву моего детства...

Бунт подданных древняя притча

Давным давно, много тысяч лет назад, один восточный народ решил взбунтоваться, вернее, покинуть государство, в котором испокон веков жил, и переселиться в чужие края. Причиной столь крайнего шага было то, что на их несчастной родине мздоимство чиновников приобрело чрезвычайные размеры, отчего даже самые маломальские дела нельзя было решить без взяток. Чиновники этого восточного государства настолько привыкли к поборам, что делали это совершенно открыто. Приходил бывало к какому-нибудь чиновнику посетитель. С порога он говорил:

- Салам алейкум!

Чиновник в ответ молчал, как рыба, и даже не удостаивал посетителя взглядом.

- Почтенный, - обуздав свое возмущение, вежливо говорил посетитель. - Салам, как говорится, от Аллаха. И разве вам трудно ответить приветствием на приветствие!

Тут чиновник взрывался.

- Что мне твои приветствия! - начинал кричать он. - Какая от них польза? Хоть сто раз говори мне салам - не стану я от него богатым! Раз пришел, сперва положи сюда то, что следует мне дать, а потом я подумаю, заняться ли мне твоим вопросом!

- Не будет в нашей стране при таких чиновниках ничего хорошего! - сказали однажды люди.

- Не лучше ли нам перейти в другое государство, где взятки если и существуют, то не в таком вопиющем масштабе.

Сказали и тогда же сделали.

Разумеется, об этом узнал правитель того восточного государства и, конечно, не мог не запаниковать.

- Соберите мне всех чиновников! - приказал правитель слугам.

Когда всех собрали, он сказал:

- Ну что, доигрались? Люди, единые мне и вам по вере и языку, не захотели быть моими подданными. Вот результат вашей жадности. Ведь не раз я вам говорил, что надо иметь совесть, что нельзя так обирать свой народ. Отдаете ли вы себе отчет в том, что вы срубили сук, на котором сидели? Ска-

жите, кто отныне будет содержать вас? Такой участи я даже вражескому правителю не пожелаю! К заходу солнца верните мне мой народ!

Чиновники кинулись исполнять приказанное и застали ушедший народ уже на границе соседнего государства.

- Дайте нам время исправиться. Мы больше не будем обирать вас. Мы во многом умерим свои аппетиты! - стали умолять они уходящий народ.

Но люди с гневом отвечали:

- Горбатого могила исправит. Хватит того, что мы столько долго терпели вас! В таможне соседней страны, другой по языку и вере, узнав причину переселения людей сопредельного государства, в приеме не отказали.

- Пустых земель у нас много, живите на здоровье. Ну, а если хотите пройти через нашу территорию в какую-нибудь другую страну, то тоже пожалуйста!

Оставшись без подданных, чиновники сели решать, как жить дальше, что делать в пустой стране. И не нашли ничего иного, как для части чиновников определить роль подданных с тем, чтобы они давали взятки другой части чиновников, которая в своем чиновничьем положении должна была оставаться. Надо ли говорить, что никто не захотел лишиться своего чиновниччьего звания. Начались выяснения отношений, в ход пошло оружие. В ре-

зультате устроенного побоища чиновники перебили друг друга, и их опустевшая страна была поделена между соседними государствами.

Такова история исчезновения с карты земли этой восточной страны.

Что касается ушедшего в другое государство народа, то им грех было жаловаться. На новом месте обитания они жили неплохо - во всяком случае лучше, чем на оставленной родине. Но нельзя забывать - не хлебом единым жив человек. На новом месте переселенцам снились горы, долины и реки покинутой страны. Эта тоска породила у них песню, которую они часто пели. Но и песня не могла утолить их сердец. И они мало-помалу ушли в ту страну, откуда могли коснуться своей родины хотя бы дыханием ветра.

Рассказы об Алене

Первый день

Далеко осталось южное синее море. Алена теперь с папой и мамой будет жить здесь, в молодом городе северного Приобья. Они приехали вчера вечером и не успели ничего увидеть.

Алена выбрала из корзины самое красивое яблоко из тех, которые ей нарывал в саду дедушка, и вышла во двор. Осмотрелась и увидела траву, а на ней что-то белое-пребелое, словно сахар рассы-

пан. Она потрогала пальчиком, и там, где касалась инея, остались теплые пятнышки. Накрыв ладошкой, убрала - травка зеленая, а «сахар» бессследно исчез. Алене это так понравилось. Тут девочка вспомнила маму. Мама дома одна, и ей, наверное, не так весело. Что же сделать, чтобы ее развеселить? Девочка задумалась: когда же мама улыбается? Ну, конечно же, когда папа дарит ей цветы. Алена огляделась вокруг: цветов нет, зато сколько красивых листьев: красные, желтые, они послушно ложились в букет.

Алена оглянулась и увидела девочку в синем пальто и в такой же шапочке с кисточкой.

- Я маме букет собираю. Давай вместе. Как тебя зовут?

- Лена. А тебя?

Она назвала себя, и девочки стали вместе собирать самые красивые листья.

- Бери, - Алена хотела достать дедушкин подарок, но не тут-то было! Пальчики застыли и не слушались ее.

Только теперь она почувствовала, как замерзли ее руки и ноги. На глаза наворачивались слезы.

- Мам, - закричала Алена с порога, - мамочка, дай мне варежки. Здесь так холодно.

Девочка надела новые варежки, и ей стало так хорошо, как будто сама бабушка согрела своим ды-

ханием ее пальчики. Она подошла к окну и погрозила холоду, который был там, во дворе.

- Вот подожди, привезу южное солнышко. Оно тебе покажет.

Хорошее дерево

Алена и Лена любили играть во дворе под большим деревом. Взяли они мишку Ивана, посадили куклу Светлану в коляску, сложили посуду в сумочку и пришли под свою березу. Видят подружки - что-то здесь не так. Подняли головы, а листья-то за ночь облетели, поскучнело все вокруг без пестрых листьев.

- Какое ты плохое, - обиделась на дерево Лена, - все листья уронило.

- Нет, оно не плохое. Дерево очень хорошее, и листья уронило нарочно, чтобы нам солнышко было видно, - стала защищать березу Алена.

- А почему же все лето листья на нем были, солнце закрывали? - не сдавалась Лена.

- Летом жарко, - отвечала Алена. - Летом листья от солнца прячут, тень нам дают, чтобы прохладно было играть. Видишь, какое оно хорошее. А ты говоришь - плохое.

Подружки больше не спорили. Они решили, что всегда будут здесь играть. Они катали колясочку, «варили» обед, укладывали кукол спать, а под ногами весело шуршали листья.

Гурбанов Княз Гочаг-оглы

Были в саду абрикосы...
стихи, рассказы

Художественное оформление Елена Попова
Верстка Татьяна Кузьмина
Корректор Светлана Любимова

Отпечатано на настольно-издательском комплексе редакции газеты
«Известия Удмуртской Республики». Тираж 500 шт.
г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Княз Гочаг родился 26 декабря 1954 года в азербайджанском селении Шахсеван. С 1977 года проживает на севере Западной Сибири. Работал строителем, геодезистом. Закончил филологический факультет Тюменского государственного университета. С 1980 года - на журналистской работе. Член Союза писателей России и Азербайджана. Поэт, критик и литературовед. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Звезда поэзии» имени Николая Рубцова. Широко печатается в московских газетах и журналах со статьями о современном российском литературном процессе, с акцентом внимания и на финно-угорские литературы.

ISBN 978-5-4355-0019-6

9 785435 500196